

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мироничев Е.П. О функционировании германского Stalag 309 в Лапландии в 1941 году // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.5.76140 EDN: LWBTRA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76140

О функционировании германского Stalag 309 в Лапландии в 1941 году

Мироничев Евгений Павлович

ORCID: 0009-0008-8453-6529

соискатель; институт истории; Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, Университетская наб., д. 7-9

✉ evilchainsaw@yandex.ru

[Статья из рубрики "Проблемы войны и мира"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.5.76140

EDN:

LWBTRA

Дата направления статьи в редакцию:

05-10-2025

Дата публикации:

14-10-2025

Аннотация: Статья раскрывает практически не изученную в отечественной исторической науке тему германского концентрационного лагеря для военнопленных Stalag 309, созданного в 1941 году в полосе германской армии «Норвегия» на кандалакшском направлении, а впоследствии имевшего десятки филиалов в Заполярье. Он стал единственным германским лагерем для военнопленных, полностью размещенным на территории Финляндии, а также в районах двух современных субъектов Российской Федерации: Мурманской области и Республики Карелия. Несмотря на большую созданную лагерную сеть, в отечественной исторической науке до сих пор не выявлены: специфика её работы в Заполярье, количество военнопленных, эволюция структуры лагеря, его история в целом. Отмечается, что тема данного лагеря исследована глубже финляндскими историками. На основе не введенных в научный оборот германских

документов, хранящихся в Федеральном архиве Германии (Бундесархив), в статье впервые в динамике характеризуется общая деятельность и структура лагеря «Шталаг 309» в 1941 году, специфика организации системы концлагерей вермахта в Заполярье в целом в начале Великой Отечественной войны. В работе впервые приведены хронологические изменения структуры, системы организации концлагеря, приводится количество мест принудительного содержания. Характеризуются условия содержания советских военнопленных и их эволюция, сравнивается обеспечение германского шталаха с советскими лагерями для военнопленных. Производится попытка определения численности пленных, содержавшихся в Stalag 309, которая затруднена фрагментарностью данных о количестве в имеющихся документах. Показывается ухудшение условий содержания пленных, особенно осенью и зимой 1941 года. Автором характеризуются причины ухудшения положения пленных: неприязнь и преступное отношение на основе идей нацизма, вытекающие из этого формальные отказы следовать Женевской конвенции 1929 года, а также резкое ухудшение снабжения армии "Норвегия" осенью 1941 года и наступление холодов в условиях необжитой местности Заполярья. Отдельно автор останавливается на вопросе преступлений против пленных, совершенных руководством лагеря и другими военнослужащими вермахта или финляндской армии. Определяется круг сложных вопросов, требующих дальнейшего исследования. Материалы статьи будут полезны для изучения событий Великой Отечественной войны в Заполярье, а также для уточнения истории преступлений нацистской Германии в годы войны.

Ключевые слова:

Великая Отечественная война, Заполярье, Военнопленные, Концлагеря, Карело-Финская ССР, Армия, Военные преступления, Финляндия, Лапландия, Мурманск

В последние годы тема преступлений нацистского режима, в частности совершившихся вермахтом и структурами СС (структуры «СС» и иные нацистские органы и партийные структуры признаны запрещёнными Нюрнбергским трибуналом и законодательством РФ). Автор здесь и далее упоминает данные структуры и их деятелей исключительно с целью формирования негативного отношения к преступным действиям нацистских функционеров и организаций, информация об их действиях приводится в научно-исследовательских целях – прим. авт.), является объектом пристального внимания как историков, так и общественных деятелей и государственных органов. По результатам совместной работы учёных, поисковиков и органов власти был реализован проект «Без срока давности», выраженный в том числе в издании многотомного сборника документов, посвящённых преступлениям нацизма на оккупированной территории Советского Союза. Прошли также судебные процессы, в результате которых действия оккупационных властей и вооружённых сил нацистской Германии были признаны геноцидом советского народа. Такие суды затронули и союзников Третьего Рейха – в частности, Финляндию. Преступления финляндского оккупационного режима, действия финляндского политического и военного руководства были осуждены и признаны геноцидом судами Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Республики Карелия. Действия самой нацистской Германии на Северо-Западе признаны геноцидом, например, в Мурманской и Архангельской областях. Тема же советских военнопленных на Северо-Западе и на Европейском Севере активно изучается историками (М. М. Паникар [1], В. С. Христофоров [2] и др.).

Стоит отметить, что с 1990-х гг. историками изучается и финляндский оккупационный

режим на территории Карело-Финский ССР. Можно сказать, что на данный момент благодаря работе С. Г. Веригина [3], Ю. Н. Зеленской [4], Х. Сеппяля [5, 6], Ю. Куломаа [7], Г. В. Чумакова [8], Д. А. Попова [9], Д. А. Елошина [10] и др. подробно известна история оккупации Карелии, а также собраны большие массивы данных о конкретных концлагерях, созданных финляндскими властями. Активно исследуется и проблема военнопленных, попавших в финляндские лагеря [64, 65].

В то же время, существуют большие пробелы в изучении ряда тем, связанных с оккупацией северных территорий Советского Союза или с боевыми действиями на них в годы Великой Отечественной войны. Если военным событиям в Карело-Финской ССР посвящено множество исследований, то военным планам агрессии и политико-экономическому значению оккупации советского Заполярья со стороны нацистской Германии уделяется крайне незначительное внимание в историографии. Это можно связать с тем, что фактически в Мурманской области не были захвачены крупные населённые пункты или территории, имевшие развитую инфраструктуру. Однако нельзя отрицать, что существовали идеи или планы, относящиеся к вопросу использования Германией гипотетических оккупированных районов Севера. Так, например, в начале 2000-х гг. данную тему затронули М. Н. Супрун [11] и Р. Ю. Болдырев [12], а основные моменты военного планирования рассмотрены автором [13].

Стоит признать, что во многом слабое внимание к проблематике Севера в военный период не позволило отразить, например, на выше упомянутых судебных процессах некоторые, как представляется, существенные моменты. Более того, в рамках проекта «Без срока давности» не был издан том по Мурманской области. Вместе с тем, практически только на суде в Мурманске было отмечено, что в Заполярье был германский концентрационный лагерь для военнопленных Stalag 309, с 1941 по 1944 гг. действовавший на территории Лапландии, и занимавший обширное пространство Финляндии и северные участки Карело-Финской ССР и нынешней Мурманской области.

На данный момент в отечественной историографии существуют лишь некоторые отдельные работы, связанные с этим лагерем. Как правило, они основываются на отечественных нарративных источниках. Преимущественно к ним относятся результаты работы Чрезвычайной государственной комиссии: опросы бывших военнопленных, местных жителей и т.п., проведённые после окончания боевых действий. Эти материалы, хранящиеся в архиве Управления ФСБ по Республике Карелия, активно используются в работах С. С. Авдеева [14] и Д. А. Елошина [15]. В то же время материалы ЧГК и допросные документы, полезные для характеристики повседневной жизни и условий содержания заключённых, лишь фрагментарно и неточно отражают структуру, численность, подчинение и в целом систему работы лагеря. Намного глубже данная тема исследована зарубежными, прежде всего финляндскими, историками: функционирование «Шталага № 309» рассматривается в работах Л. Вестерлунда [16], О. Сильвеннойнен [17], также историком-краеведом г. Рованиеми К. Микконен.

Появление в доступе новых источников, особенно комплекса прямых документов, в том числе доступных исследователям удалённо, и связанных с функционированием концлагерей, позволяет вводить в научный оборот материалы, существенно дополняющие прежние знания, а также создаёт условия к формированию целостной картины. В данной статье предпринимается попытка показать в общем виде работу германского лагеря «Шталаг 309» в начале Великой Отечественной войны на основе документов армии «Норвегия» (впоследствии 20-й горной армии), которой

непосредственно подчинялся вышеуказанный лагерь, хранящихся в Федеральном архиве Германии (Бундесархиве). Ряд материалов, отражённых в статье, был представлен автором при участии в качестве эксперта в судебном процессе, проведённом Мурманским областным судом в марте 2025 г. [18].

Следует раскрыть хронологию организационно-штатных изменений лагеря. Управление постоянного лагеря для рядовых военнопленных (Stalag) № 309 было сформировано 10 апреля 1941 г. [19]. В июне того же года оно было переброшено на территорию северной Финляндии для обеспечения действий германской армии «Норвегия» в советском Заполярье и в северной Карелии. Организационно он подчинялся 2-му отделу управления тыла (оберквартирмейстера, O.Qu) штаба армии. Одновременно с ним в северной Норвегии в районе Киркенеса был размещён лагерь № 322, который первоначально подчинялся горному корпусу «Норвегия», а не напрямую армии [20, 21]. Таким образом, непосредственно на территории Финляндии целиком находился лишь один германский концлагерь для военнопленных.

Лагерь начал функционировать лишь с 1 июля 1941 г., когда 36-й армейский корпус вермахта начал наступление на кандалакшском направлении. Шталаг занимал район главной транспортной артерии корпуса – от г. Рованиеми до дер. Мяркяярви (ныне Салла), главный лагерь – в Мяркяярви. После захвата приграничного района Куолаярви он перебазировался туда [22] – с 11 июля это стало местом размещения главного лагеря и его управления вплоть до 1944 г. В дальнейшем шталаг стал известен как Stalag 309 Salla или Stalag 309 Kuolajärvi по месту размещения управления. Сначала предполагалось, что раненые военнопленные будут доставляться в Рованиеми и только потом в Куолаярви. Но 12 июля 1941 г. при лагере был создан пункт приёма раненых военнопленных с отдельным медперсоналом. Привлечение армейских врачей происходило только в особых случаях.

Наступление, начатое германским корпусом 19 августа 1941 г., развивалось неблагоприятно для советских сил. Наибольших успехов достигла финляндская 6-я дивизия, наносявшая удар во фланг, что привело к резкому увеличению потока пленных. В связи с этим 23 августа особым распоряжением по снабжению в полосе финляндской дивизии была образована комендатура лагеря № 309 для сбора военнопленных [23].

10 сентября 1941 г. появились первые «филиалы» лагеря № 309 – в Рованиеми и Алакуртти [24], в летне-осенний период также были созданы более мелкие места содержания в Нуруми, Лампела и на 7 км дороги Куолаярви – Лампела. 29 октября 1941 г. было решено создать ещё семь лагерей вдоль «Арктического шоссе» (Рованиеми – Киркенес) [25]. Позднее места содержания пленных, относящиеся к шталагу № 309, были созданы на кестеньгском и ухтинском направлениях. Специфика организации лагеря и использования его пленных на работах создала ситуацию, когда в течение всего периода нахождения вермахта в Лапландии, северной Карелии и на юге Заполярья существовало более 200 мест принудительного содержания военнопленных. Зачастую они представляли собой единичные небольшие бараки для проживания на время лесозаготовок или других срочных работ.

Важным моментом стало разграничение тылового района армии и района боевых действий армии «Норвегия» в сентябре 1941 г.. До того момента, несмотря на наличие управления тылового района армии (Kommandanten des rückwärtigen Armeegebietes – Когүск), конкретные территории обозначены не были. Начальником тылового армейского

района стал полковник Хайнрих (Генрих), в ведении которого находились в том числе лагеря для военнопленных, кроме рабочих отрядов пленных [\[26\]](#). Таким образом, штаблаг № 309 стал подчиняться не напрямую оберквартирмейстеру армии, в ведении которого было всё тыловое обеспечение войск первой линии и второго эшелона в целом, а начальнику тылового района, занимавшегося содержанием коммуникаций и дорог, расквартированием, поддержанием порядка в зафронтовом районе.

Отдельным вопросом является численность военнопленных в лагере. Документы, касающиеся именно лагеря № 309, фрагментарны.

Первые советские пленные стали поступать в распоряжение лагеря 2-3 июля 1941 г. – именно в эти дни германский корпус их впервые захватил [\[27\]](#). По результатам недели боёв за Куолаярви германские войска захватили около 250 советских солдат [\[28\]](#).

Тем не менее, германские планы в Заполярье оказались нереализованными: в силу недооценки советских войск, оказавшихся в более выгодных условиях и с более высокой подготовкой, просчётов в планировании [\[13\]](#), разведке и т.д. вермахту не удалось молниеносно захватить ни Мурманск, ни Кандалакшу. Поток военнопленных не был столь высоким. Лишь в августе-сентябре в результате частично успешного наступления 36-му армейскому корпусу удалось полуокружить советский 42-й стрелковый корпус и взять в плен несколько сотен красноармейцев – в окружении остались некоторые части 104-й и 122-й стрелковых дивизий [\[29, с. 82\]](#). В течение лета финляндско-германские войска брали в плен советских солдат и на других направлениях в зоне ответственности армии «Норвегия». Финляндский 3-й корпус также сдавал пленных в лагерь № 309. Таким образом, советские военнопленные, прежде всего, 42-го стрелкового корпуса и затем Кандалакшской и Кемской оперативных групп стали основным контингентом штаблага 309 до 1942 г. К августу 1941 г. армия «Норвегия» отчиталась о взятых 1269 пленных [\[30\]](#), к 2 сентября – уже 2871 чел [\[31\]](#).

Первый конкретный документ, отражающий численность военнопленных в лагере № 309, относится к 8 сентября 1941 г. [\[32\]](#). Комендант лагеря отчитался о наличии 1801 пленного, из которых «следует вычесть»: заболевших и раненых, находившихся в лазарете – 248 чел., использовавшиеся в постоянных рабочих командах – 156 чел., отсеванные офицеры (командиры) – 28 чел., умершие в лазарете – 15 чел., переданные финляндской государственной полиции – 6 чел., имевшие дубль учётных номеров – 4 чел., сбежавшие – 2 чел., умершие в Кемиарви и сданные в лазарет г. Кеми – по одному человеку. Таким образом, комендант подсчитал наличие 1340 пригодных к работам пленных лагеря.

При этом в 1941 г. армия «Норвегия» не появлялась в сводках взятых пленных по фронтам (группам армий, армиям). Лишь с марта 1942 г., уже после выделения группы войск армии «Норвегия», ведущих боевые действия против СССР на Севере, в отдельную армию «Лапландия», количество пленных по ней появилось в сводных данных по всему Восточному фронту. Так, например, на 1 марта 1942 г. армия «Лапландия» отчиталась о наличии 4249 пленных, из которых 4019 были пригодны к работам [\[33\]](#). Вплоть до июля 1942 г. это количество незначительно изменялось, а после переформирования армии «Лапландия» в 20-ю горную армию на 1 августа 1942 г. она отчиталась уже о 7548 пленных [\[34\]](#). К сентябрю 1944 г. официально 20-я горная армия насчитывала около 16 тысяч пленных в своих лагерях [\[35\]](#). Поскольку масштабных боевых действий с весны 1942 г. не велось, данный стремительный рост можно объяснить внешним движением

военнопленных – завоз для работ в полосе армии из других оккупированных районов СССР с одновременной отправкой другой части пленных на работы за пределами Лапландии. Проследить в точности такое движение и высчитать хотя бы примерное количество прошедших через лагерь № 309 пленных затруднительно из-за фрагментарности сохранившихся материалов.

Вряд ли можно согласиться с мнением Л. Вестерлунда о том, что в 1941 г. армией «Норвегия» было пленено 6 000 красноармейцев [36] – масштаб боёв физически не позволял взять в плен такое количество человек, и, более того, армия не имела возможности разместить столько заключённых в короткие сроки. Скорее всего, в это число включены пленные, переданные финляндской стороной, а также завезённые в конце года извне для дорожных и иных работ.

Особым вопросом является содержание военнопленных и их статус. Они претерпевали изменения в течение всего периода войны, но основы системы заложены в 1941 г.

19 июня 1941 г. особым распоряжением по тылу № 7 армии «Норвегия» введены общие положения о советских военнопленных. Отмечалось, что необходимо уделять пристальное внимание к пленным, поскольку они могут «вести себя непредсказуемо» [37]. Там же указывалось, что требуется отделять «политических комиссаров» от рядовых красноармейцев, чтобы исключить возможное влияние на них. Подчёркивалось, что политработники не являются военнослужащими, поэтому «на них не распространяется защита как на военнопленных в соответствии с международным правом». Далее, 8 июля 1941 г., войскам армии, включая финляндский 3-й корпус и отдельно лагерям № 309 и № 322, был объявлен приказ № 59/41 об обязательном обнаружении и отделении от остальных военнопленных вообще всех партийных деятелей и функционеров, или связанных с коммунистической партией, включая милиционеров, актив партачек предприятий, служащих органов печати и «лидеров комсомола» [38]. По соглашению между начальником Einsatzkommando «Finnland» штурмбаннфюрером СС Г. фон Фельде и финляндской государственной тайной полицией этот выявленный советский партийный актив должен был передаваться финляндской стороне [39].

Первоначально какая-либо ценность военнопленных для армии «Норвегия», как представлялось германскому командованию, отсутствовала. В то же время, условия местности, отсутствие какой-либо инфраструктуры и плохое состояние дорожной сети [40] Лапландии в районах границы с СССР стало во многом сюрпризом для армии «Норвегия», что заставило ещё до начала боевых действий принять решение использовать будущих военнопленных в качестве рабочей силы в полосе 36-го корпуса [41]. Довольно скоро для коменданта лагеря № 309 стал актуальным вопрос содержания советских пленных в соответствии с Женевской конвенцией 1929 г., так как для этого не хватало ресурсов и продовольствия. В ответ на его запрос 21 июля 1941 г. ему в весьма раздражённой форме ответили из отдела тыла армии: «...из всех приказов и директив (...) ясно и недвусмысленно следует, что на советских военнопленных нужно смотреть иначе, чем на представителей других армий» [42]. Декларировалось предельно жестокое обращение с советскими пленными, что обосновывалось «вражеской сущностью большевизма» и уверенностью в том, что СССР сам не будет соблюдать положения Женевской конвенции.

В дальнейшем положение только ухудшалось. Одно из существенных решений, повлиявших на содержание военнопленных в лагере № 309, было утверждено особым

распоряжением по тылу № 74 от 24 августа 1941 г. [43]. Оно ввело в действие новые нормы питания советских военнопленных. В приложении к нормам, установленным главным интендантом Главнокомандования сухопутных войск 8 августа 1941 г., цинично указывалось, что поскольку «Советский Союз не присоединился к конвенции об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г., следовательно, не существует и обязательств обеспечивать советских пленных питанием в соответствии с положениями конвенции» [44]. Так, вводились предельно низкие нормы питания с разделением на паёк вне работы и во время работы. Например, вне работы, среди незначительного количества разных продуктов по типу чая, соли и т.п. советский военнопленный должен был получать по 200 г хлеба ежедневно в течение 28 дней, во время работ пайка увеличивалась до 300 г; за 28 дней заключённый вне работ получал 400 г мяса или мясных продуктов (14 г в день); за тот же срок мог получить 3,6 кг картофеля или около 130 г в день, примерно такое же количество брюквы. Далее эти нормы усложнились: пленные могли лишаться части или всего пайка в зависимости от провинностей [45].

Для сравнения, по советским нормам продовольственного снабжения военнопленных в 1939 г., захваченные военнослужащие получали в сутки 800 г ржаного хлеба, 50 г мяса или 75 г рыбы, 500 г овощей, не считая прочих продуктов [46]. Несмотря на то, что к 1942 г. нормы выдачи продовольствия в советских лагерях были пересмотрены и по ряду позиций уменьшены (в сутки 400 г ржаного хлеба, 100 г рыбы или 200 г консервов или 125 г жиров, овощей и картофеля 500 г) [47], Советский Союз, формально не присоединившийся к Женевской конвенции 1929 г., создавал при особо сложной ситуации с обеспечением продуктами более комфортное продовольственное снабжение для германских пленных, не прикрываясь присоединением или неприсоединением к конвенциям. Впрочем, в разы лучшие условия, хотя и не без проблем, в течение войны и после неё создавались и в других немаловажных аспектах, особенно в лечебно-санитарном обеспечении [48]. Что касается германского лагеря № 309, то установленные продовольственные нормы зачастую не обеспечивались в силу дефицита еды во всей армии «Норвегия», перебоев с его поставками, нежеланием тратить еду на пленных в принципе. Более того, совершенно не учитывались условия Заполярья, в которых требуется корректировка питания – увеличение количества витамина С, жиров и мяса.

Уже в октябре 1941 г. врач лагеря докладывал о смерти как минимум 25 пленных от истощения и недоедания [49], а в конце месяца констатировал, что положение с питанием приводит к неизбежному полному истощению [50]. На запрос 169-й пехотной дивизии об улучшении положения перебежчиков по сравнению с обычными пленными управление лагеря № 309 ответило, что ресурсов для обеспечения лучшего положения для перебежчиков у штала не имеется.

Поздней осенью и зимой 1941 г. армия «Норвегия» столкнулась с кризисом снабжения из-за ухудшения дорожных условий, плохой погоды и дефицита трудовых ресурсов. В связи с этим немногочисленные пленные были брошены на дорожные работы и уборку снега, а штаб армии начал запрашивать ввоз пленных извне по линии организации Тодта, первые из которых прибыли 21 октября 1941 г. [51]. Для их завоза требовалось огромное количество бараков для жилья. Эти и другие заказы тылового строительства велись комендантом лагеря в ущерб обустройства мест содержания пленных. Крайне удручающая ситуация с постройками в лагере № 309, грозившая массовыми смертями (и соответственно потерями столь ценной для армии рабочей силы), даже вызвала негодование отдела тыла, что привело к снятию коменданта лагеря гауптманна Ширпа с

должности в октябре 1941 г. [52]. В целом вплоть до 1944 г. сохранялось тяжёлое положение пленных, страдавших от голода, невыносимых условий жизни и антисанитарии, болезней, эпидемий и тяжёлого труда [53, с. 296].

В соответствии с указаниями вышестоящего командования вермахта, пленные делились по национальностям: русские отделялись от украинцев, выходцы из Средней Азии и Кавказа также содержались отдельно. Практиковался отдельный сбор поволжских немцев, карелов и советских финнов. Последних, более того, обменивали, отправляя военнопленных финно-угорского происхождения и говорящих по-фински в финляндские лагеря и получая вместо них поволжских немцев [54, 55].

Что касается территории размещения лагеря, то информация фрагментарна. Сохранился план обустройства головного участка в Куолаярви за август 1941 г., см. Рис. 1. На рукописной карте-схеме обозначены следующие объекты: отдельные жилые бараки для командиров, младших командиров, барак для русских, барак для украинцев и белорусов, а отдельный барак также для «остальных национальностей»; отдельное место для политработников и «неблагонадёжных»; место размещения гарнизона (охраны), отдельные постройки для отделов управления и коменданта лагеря; столовая, место помывки; зона переклички, два склада [56]. При этом в первое время охрана лагеря была слабой, территория лагеря почти не имела ограждения. Однако к августу 1941 г. он был перекрыт колючей проволокой с простейшей системой оповещения, появились наблюдательные вышки и контрольно-пропускные посты, а охраной выступили более подготовленные формирования и военные подразделения, отличавшиеся жестокостью [57, с. 34-35]. Тем не менее, практически с самого начала управлениями лагерей фиксируются регулярные побеги, как правило, одного или двух военнопленных за раз. Зачастую охранным отрядам удавалось разыскать беглецов и вернуть их обратно в лагерь. Практиковались расстрелы за неповиновение [58], а также убийства на почве национальной неприязни, в том числе пленных, временно работавших в финляндском лагере. В то же время расстрелы быстро оказались под запретом, прежде всего, в целях сохранения рабочей силы. Что, однако, лишь отчасти влияло на ситуацию.

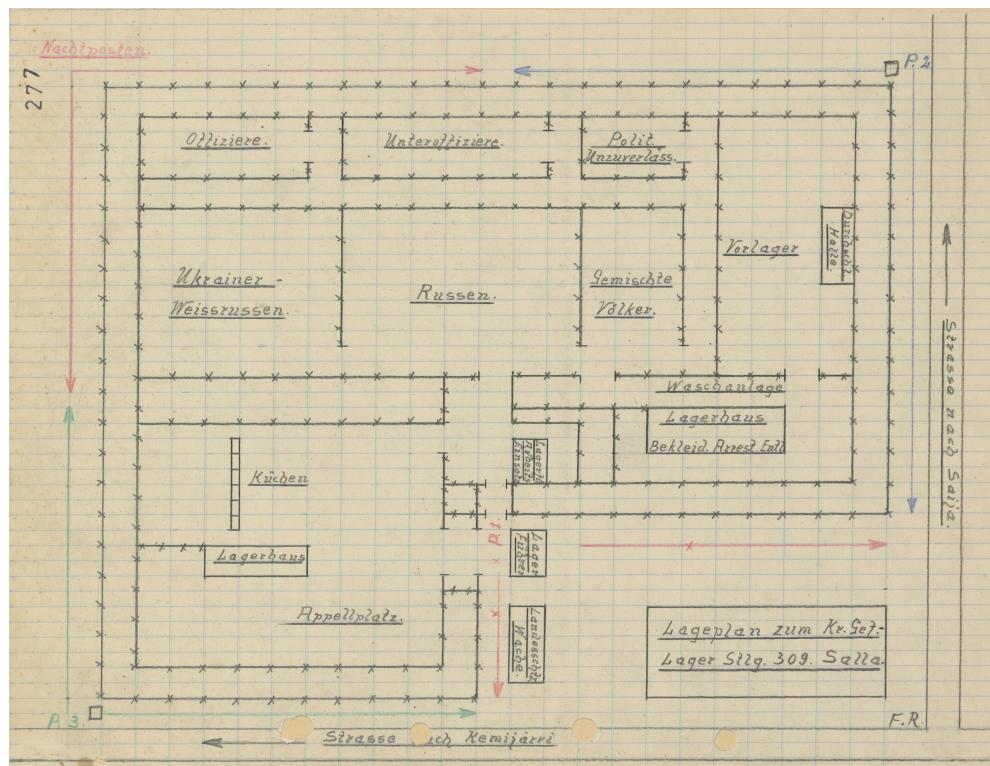

Рис. 1. Схема лагеря. BArch. RH 20-20/306, с. 277.

В Федеральном архиве ФРГ сохранились материалы судебных процессов о преступлениях в лагере № 309: в 1971 г. рассматривалось дело о сегрегации и убийстве советских военнопленных еврейского происхождения и других так называемых «нежелательных» военнопленных [59], в 1975 г. – дело о расстреле двух военнопленных военнослужащими 230-го разведывательного батальона 169-й пехотной дивизии [60]. В 2015 г. Мюнхенская прокуратура отказалась в возбуждении расследования дела о расстреле нескольких тысяч советских военнопленных военнослужащими 3-й роты 253-го полицейского батальона в лагере № 309 в 1941–1942 гг. [61]. Известно о существовании братских могил в районе пос. Корья [17, с. 263]. По сообщению Л. Вестерлунда в 2008 г., в провинции Лапландия захоронено около 3 000 советских пленных, из которых 1 300 относятся к германским лагерям, а 1 700 – к финляндским [36, с. 118].

К осени 1944 г., на фоне подготовки операции по эвакуации сил 20-й горной армии из Лапландии, перебоев со снабжением и т.д. режим заключения претерпел некоторые изменения. Военнопленные допускались под охраной на сбор ягод, грибов и на другую менее тяжёлую работу, направлялись для работы на частные компании [15, с. 108-111]. На данный момент не удалось выяснить достоверно, вёлся ли в 1941 г. отбор ценных специалистов среди военнопленных для отправки на сложные виды работ за пределы Лапландии, однако стоит утверждать, что с высокой вероятностью это впоследствии регулярно происходило. Так, например, в июне 1942 г. Главное командование кригсмарине заключало, что для строительства капитальных защитных сооружений для подводных лодок в Норвегии не хватает специалистов, и для их поиска доступны только советские военнопленные [62]. После начала эвакуации сил 20-й горной армии в сентябре 1944 г. лагерь № 309 был передислоцирован в Норвегию вместе с большей частью военнопленных.

30 сентября 1944 г. части 19-й армии Карельского фронта вышли к государственной границе на кандалакшском направлении, завершив таким образом освобождение Карело-Финской ССР и начав одновременно освобождение Заполярья. В районе Куолаярви войсками были обнаружено массовое захоронение советских военнопленных. Среди останков был обнаружен дневник красноармейца Анатолия Галибина, который впервые был опубликован в 1945 г. в сборнике «Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР». В то же время оставшиеся постройки лагеря № 309 в Куолаярви начали использоваться в пропагандистской работе Политуправления Карельского фронта, в частности, в листовках [63].

Таким образом, история лагеря для военнопленных № 309 имеет целый ряд трудных вопросов. Главный из них – количество прошедших через него заключённых, в том числе в 1941 г. Существенными можно назвать уточнение количества мест размещения пленных и их конкретное расположение, выяснение полной картины содержания заключённых в лагере, детальное рассмотрение эволюции условий их нахождения в нём. Приведённые в статье материалы впервые вводят в оборот документы по указанным вопросам, поднимают тему комплексного изучения германского лагеря в Лапландии, и позволяют показать некоторые общие особенности функционирования Stalag 309 в контексте общих событий войны на Севере, особенно в начальный период, когда, собственно, формировались условия и лагерный режим. Тема требует дальнейшего исследования с привлечением новых источников и материалов.

Библиография

1. Паникар М. М. Советские военнопленные в Норвегии в годы Второй мировой войны. Архангельск: ООО "Издательский центр", 2010. EDN: QPPUXR.
2. Христофоров В. С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии. 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65-72. EDN: IMQFRL.
3. Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей // Отечественная история. 2006. № 4. С. 73-76.
4. Зеленская Ю. Н. Трудовой лагерь для советских граждан в Кутижме в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 62-68. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.853 EDN: AAFTP GT.
5. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4-5. С. 96-113.
6. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 6. С. 108-128.
7. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска. 1941–1944. Петрозаводск: А. Н. Ремизов, 2006.
8. Чумаков Г. В. Финские концентрационные лагеря для гражданского населения Петрозаводска в 1941–1944 гг. // Вопросы истории Европейского Севера: (Народ и власть: проблемы взаимоотношений, 80-е гг. XVIII в. – XX в.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 142-151.
9. Попов Д. А. Документы контрразведки "СМЕРШ" о советских военнопленных в финских лагерях на территории Олонецкого района: условия содержания, характер выполняемых работ, преступления финских оккупантов и коллаборационизм // Исторические чтения на Лубянке: материалы XXVIII международной научной конференции, Москва, 05-06 декабря 2024 года. Москва: Фронткнига, 2024. С. 123-129. EDN: LSBSGL.
10. Елошин Д. А. Численность погибших узников финских концентрационных лагерей в период оккупации Петрозаводска (1941–1944 гг.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2025. № 26(1-2). С. 164-171. EDN: GJVVRT.
11. Супрун М. Н., Болдырев Р. Ю. Немецкая разведка о Русском Севере, 1939–1943 гг.: из "Сборной папки о тыловой области противника перед 20-м горным корпусом по состоянию на 01.02.1943 г." // Северные конвои: Исследования, воспоминания, документы. Вып. 4. Архангельск: Правда Севера, 2000. С. 291–318.
12. Болдырев Р. Ю. Русский Север глазами германской разведки. Молотовск в документах армии "Норвегия" // Война в Арктике (1939–1945 гг.): материалы международных научных конференций, Архангельск, 29 авг.-2 сент. 2000 г. Архангельск: Правда Севера, 2000. С. 187–203.
13. Мироничев Е. П. "...Это не операция, а экспедиция. Жаль сил, которые будут здесь использованы": Советское Заполярье в документах высшего германского командования в 1940–1941 годах // Исторический курьер. 2025. № 2(40). С. 184-200. DOI: 10.31518/2618-9100-2025-2-15 EDN: MWQYER.
14. Авдеев С. С. Немецкие и финские лагеря для советских военнопленных в Финляндии и на временно оккупированной территории Карелии (1941–1944 гг.) // Вторая мировая война и Карелия, 1939–1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посвященной 60-летию начала Великой Отечественной войны / науч. ред.: Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров. Петрозаводск: Григорович А. А., 2001. С. 49-57.
15. Елошин Д. А. Места принудительного содержания и концентрационные лагеря в период финской оккупации Карелии (1941–1944 гг.) по воспоминаниям узников и архивным документам. Москва: Директ-Медиа, 2025. 152 с.
16. Westerlund L. Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944. Helsinki: Tammi, 2008.
17. Silvennoinen O. Salaiset aseveljet – Suomen ja Saksan turvallisuuspoliisiyhteistyö

- 1933–1944. Helsinki: Otava, 2008.
18. Кирошко А. От Печенги до Кандалакши. // Вечерний Мурманск. 16.03.2025. URL: <https://vmnews.ru/stati/2025/03/16/ot-pechengi-do-kandalakshi>.
19. Bundesarchiv (BArch). RH 15/3009, s. 21.
20. BArch. RH 15/3009, s. 53.
21. BArch. RH 20-20/191, s. 203.
22. BArch. RH 20-20/191, s. 47.
23. BArch. RH 20-20/193, s. 131-132.
24. BArch. RH 20-20/203, s. 73.
25. BArch. RH 20-20/205, s. 14.
26. BArch. RH 20-20/204, s. 10.
27. National Archives and Record Administration (NARA). T. 315, R. 1500. Fr. 23-24.
28. BArch. RH 20-20/191, s. 56.
29. Мироничев Е. П. "Особую опасность представляет кандалакшское направление...": боевые действия на юге Заполярья в 1941 году: монография. Красноярск: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-инновационный центр", 2022. DOI: 10.12731/978-5-907208-92-6 EDN: QMDMVU.
30. BArch. RH 20-20/203, s. 44.
31. BArch. RH 20-20/203, s. 68.
32. BArch. RH 20-20/306, s. 335.
33. BArch. RH 3/150, s. 18.
34. BArch. R 3901/20172, s. 349.
35. BArch. RH 20-20/256, s. 32.
36. Westerlund L. The German Strategic Use of POW Labor in the Far North // POW deaths and people handed over to Germany and the Soviet Union in 1939-55. A research report by the Finnish National Archives. Ed. by L. Westerlund. Helsinki: Oy Nord Print Ab, 2008. P. 95-135.
37. BArch. RH 20-20/192, s. 4.
38. BArch. RH 20-20/306, s. 143.
39. BArch. RH 20-20/203, s. 23.
40. BArch. RH 20-20/203, s. 16.
41. BArch. RH 20-20/203, s. 18.
42. BArch. RH 20-20/306, s. 188-189.
43. BArch. RH 20-20/193, s. 125-126.
44. BArch. RH 20-20/193, s. 127-128.
45. BArch. RH 20-20/204, s. 54-56.
46. Документ № 4.3. Выписка из протокола № 37 заседания Экономсовета при СНК СССР о нормах продовольственного снабжения военнопленных. Москва. 20 сентября 1939 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956: Док. и материалы. М.: Логос, 2000. С. 342.
47. Документ № 4.4. Циркуляр НКВД СССР № 353 о введении норм довольствия военнопленных. Москва. 25 августа 1942 г. // Военнопленные в СССР. 1939–1956: Док. и материалы. М.: Логос, 2000. С. 343.
48. Иванов В. А., Ходяков М. В. Медико-санитарное обслуживание военнопленных на территории Ленинграда и области в 1944–1949 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 11. С. 39-44. EDN: OJQKVJ.
49. BArch. RH 20-20/203, s. 113.
50. BArch. RH 20-20/203, s. 130.
51. BArch. RH 20-20/203, s. 111.
52. BArch. RH 20-20/203, s. 106.
53. Megagree P., Overmans R., Vogt W. The United States Holocaust Memorial Museum

- encyclopedia of camps and ghettos, 1933–1945: Vol. 4. Camps and Other Detention Facilities under the German Armed Forces. Bloomington: Indiana University Press, 2022.
54. BArch. RH 20-20/204, s. 190.
 55. BArch. RH 20-20/203, s. 126.
 56. BArch. RH 20-20/306, s. 277.
 57. Westerlund L. Saksan vankileirit Suomessa ja raja-alueilla 1941–1944. Helsinki: Tammi, 2008.
 58. BArch. RH 20-20/203, s. 116.
 59. BArch. B 162/9353–9357.
 60. BArch. B 162/28365.
 61. BArch. B 162/44102-44103.
 62. BArch. R 3901/20172, s. 235.
 63. Листовка. Мсти немцам за их злодеяния! Издание Политического Управления Карельского фронта. // Мурманский областной краеведческий музей. МОМ ОФ-16361/30.
 64. Хорошев А. А. Проблема смертности среди советских военнопленных в Финляндии (1939–1944 гг.) // Historiaprovinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 4. С. 1173–1231. DOI: 10.23859/2587-8344-2023-7-4-2 EDN: RFESNM.
 65. Фролов Д. Д. Советско-финский плен. 1939–1944 гг. По обе стороны колючей проволоки. – Хельсинки: RME Group Oy; СПб.: Алетейя, 2009.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемый текст «О функционировании германского Stalag 309 в Лапландии в 1941 году» представляет собой актуальное и компетентное обращение к теме Великой Отечественной войны, а именно к политике геноцида советского народа, осуществлявшейся нацистской Германией и ее союзниками, в данном случае Финляндией. Конкретным предметом исследования в данном случае является функционирование германского Stalag 309 во время оккупации северных территорий европейской части СССР (Карело-Финской ССР и Мурманской области) на протяжении 1941-1944 г. Несмотря на то что непосредственно лагерь Stalag 309 находился в подчинении немецкой военной администрации, его комплектование и обеспечение может быть рассмотрено как результат совместных немецко-финских действий. Тематика оккупации советского Севера вообще и функционирования на этой территории лагерей военнопленных относится к числу недостаточно изученных в отечественной исторической науке, таким образом данная работа вносит существенный вклад в ликвидацию "белых пятен" в изучении Великой Отечественной войны, также вносит свой вклад в изучение региональной истории, фиксацию преступлений нацистского режима в годы войны и т.д. Структура работы подчинена решению поставленных автором задач - автор обосновывает актуальность изучения темы, заявляет уровень изученности темы, новизну своего исследования, круг используемых источников и т.д. Автором вводится в оборот обширный корпус архивных документов в т.ч. материалов из Федерального архива Германии (Бундесархива), при обзоре литературы помимо прочего учтен корпус финских публикаций по теме исследования. Автор в своей работе рассматривает достаточно широкий набор аспектов функционирования лагеря Stalag 309 (причины появления, организационная структура, нормы продовольственного снабжения,

нормативно-правовая база, отношение к политработникам и национальным меньшинствам и др.), также в исследовании отслеживается динамика численности военнопленных, изменения и проблемы в снабжении, вопросы использования военнопленных на протяжении всего периода 1941-1944 гг., а само функционирование лагеря Stalag 309 рассматривается автором в общем контексте военных действий на этом участке советско-германского/советско-финского фронта. Автор также отмечает проблемные для исследователя моменты (к примеру, точное количество прошедших через Stalag 309 заключённых) и возможные перспективы дальнейших исследований т.к. в данном исследовании автором дан по сути лишь общий контур функционирования лагеря, детализация же, как справедливо отмечает сам автор, требует существенного расширения круга источников. Приведенные в работе сведения имеют не только историческую научную ценность, но используются и могут быть использованы в дальнейшем для правовой оценки деятельности Германии и Финляндии на оккупированных советских территориях, т.е. для обоснования и судебной фиксации политики геноцида советского народа. Работа выполнена на должном научно-методическом уровне и рекомендуется к публикации.